

И. С. Зевакина

**Осетины глазами русских и
иностраннных
путешественников**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 908
ББК 28.89
И11

И11 **И. С. Зевакина**
Осетины глазами русских и иностранных путешественников / И. С. Зевакина – М.: Книга по Требованию, 2013. – 320 с.

ISBN 978-5-458-31340-7

Интерес к изучению истории осетинского народа, его языка, фольклора, этнографии и археологии проявляли многие русские и западноевропейские ученые и путешественники. Широко известны имена таких крупных ученых, как Шегрен, Шифнер, Миллер, Ковалевский, посвятивших осетинам монументальные труды. Однако подлинное научное изучение Осетии началось только в советское время, в результате создания научно-исследовательских учреждений и появления национальных кадров научных работников. Осетинскими учеными написана история Северной Осетии, изданы ценные труды, особенно по языку и некоторым вопросам истории и экономики осетинского народа. Для более глубокого и всестороннего изучения прошлого народа в области экономики, хозяйства, материальной и духовной культуры необходимо выявление новых источников. Одним из таких источников являются записки путешественников по Кавказу и югу России. Их впечатления и исследования, написанные на немецком, французском и других языках, оставались до сих пор малодоступными для исследователей Осетии. Многие путешественники побывали в отдаленные времена в самых труднодоступных горных селениях Осетии и имели возможность непосредственно наблюдать жизнь ее народа. Материал, содержащийся в их трудах, является ценным источником для характеристики многих сторон жизни осетин по таким малоизученным периодам их истории, как средние века, XVIII и первая половина XIX века. Настоящий сборник включает в себя как труды путешественников XIII—XVII вв., в которых наиболее ярко отражен период истории северокавказских алан, так и материалы путешественников XVIII—XIX вв. Следует отметить, что некоторые сведения средневековых путешественников, вошедшие в данный сборник, были переведены на русский язык частично еще в первой половине XIX в. и печатались в разных изданиях, ставших в наши дни библиографической редкостью. Включение подобного рода источников в сборник облегчит возможность пользования ими при изучении соответствующего периода истории осетинского народа. В отношении материалов XVIII—XIX вв. заметим, что большинство путешественников этого периода в своих записках отражало интересы колониальной политики русского самодержавия, поэтому сообщаемые ими сведения требуют строгого критического подхода.

ISBN 978-5-458-31340-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

зрения ученых. За этот период ни один из исследователей не вступал на территорию Осетии.

Широкое знакомство русских с жизнью горцев Северного Кавказа, в частности, осетин, началось только с XVIII в.

Изучение Кавказа, как впрочем и других окраин России, осуществлялось главным образом русской Академией наук, организовывавшей экспедиции под руководством русских и западноевропейских ученых. Из пяти крупных экспедиций, проведенных Академией наук с 1768 по 1774 г., три экспедиции во главе с академиками П. С. Палласом, С. Г. Гмелиным и И. А. Гюльденштедтом обследовали многие районы Кавказа и собрали большое количество сведений о населении края, его занятиях, промыслах, быте, культуре, верованиях, памятниках материальной культуры.

Сведения о Кавказе и его населении принадлежат не только путешественникам, совершавшим поездки с научной целью, но и выходцам из других стран, находившимся на службе в русской армии или занимавшим административные посты на Кавказе (Штедер, Рейнеггс и др.). Материалы, собранные иностранцами, жившими годами среди местного населения, отличались от сообщений путешественников большей объективностью и более богатым содержанием.

Но следует отметить, что все помещенные в настоящем сборнике сообщения требуют строгого критического подхода. Нельзя забывать, что авторы их нередко выполняли задания царского правительства и его ставленников на местах. Отсюда порой пренебрежительное отношение к горцам, стремление представить их «дикарями» и «разбойниками», как они именовались на языке колонизаторов.

Одним из первых иностранцев, совершивших путешествие по Осетии, был подполковник русской армии Штедер, давший ценные этнографические и исторические сведения об осетинах. Сообщаемые Штедером сведения по разным вопросам быта и культуры осетин нередко можно встретить и в трудах некоторых путешественников более позднего времени. Заимствуя нужный им материал у Штедера, они обычно даже не

ссылались на него. Труд Штедера отличается многообразием и богатством содержания; он характеризует многие стороны жизни осетин. Важное значение имеют сообщаемые Штедером сведения, касающиеся хозяйственной деятельности осетин, их общественного строя, материальной и духовной культуры, религии.

Описывая материальную культуру осетин, Штедер останавливается на их поселениях, жилищах, оборонительных сооружениях, одежде и пище. Весьма интересные сведения он сообщает о боевых доспехах осетин, которым придавалось в то время исключительно важное значение. Они состояли из крымского или черкесского ружья с двумя дулами, привязанными ремнями к стволу, легкой сабли, кинжала и ножа на ремне. Газыри на груди черкески служили не только украшением костюма, но и пороховницами.

Характеризуя культурный уровень осетин того периода, Штедер отметил, что они «не умеют ни читать, ни писать...» Штедер критически относился к Моздокской осетинской духовной школе и ее воспитанникам, с которыми он встречался в горах Осетии. Он предлагал открыть школы непосредственно в горах, в самой Осетии.

В труде Штедера большое место отводится выступлению дигорских крестьян против своих притеснителей-баделят.

Важным источником для изучения многих сторон жизни осетин являются сведения известного путешественника по Кавказу, академика И. А. Гюльденштедта.

Гюльденштедту принадлежит, в частности, теория происхождения осетин от половцев, потомками которых, как известно, являются нынешние балкарцы и карачаевцы. В подтверждение своей теории автор приводил осетинские мужские имена (Саба, Кусток, Сурбар, Качин и др.), которые, по его мнению, совпадают с именами древних половцев. Теория эта получила позже правильную критическую оценку Клапрота и других ученых.

Среди иностранных путешественников, посетивших Осетию, был и знаменитый немецкий натуралист ака-

демик П. С. Паллас. Он очертил границы Осетии и определил, что территория у осетин делится на «ком» (округа) и «кау» (селения). Дигорское ущелье составляет два таких округа — нижний, граничивший с Большой Кабардой, и верхний — высокогорный район, где жила основная масса дигорцев. Вслед за другими авторами Паллас отмечал, что осетины относятся по языку к индоевропейской группе народов. «Их язык, — писал он, — имеет много общего и похожих слов с персидским, немецким и славянским». У Палласа встречаются упоминания о дигорских феодалах. Он сообщает также о языческих верованиях дигорцев.

Следующим по времени иностранцем, оставившим сведения об осетинах, был Якоб Рейнеггс.

Уже на первой странице своего труда Рейнеггс допускает ошибочное толкование самого названия осетин и повторяет некоторые положения, приводимые в труде Гюльденштедта по Осетии. Но у него можно найти ценные этнографические сведения о быте осетин, их занятиях, материальной и духовной культуре, обычаях и нравах. Однако некоторые из них нуждаются в поправках. Так, Рейнеггс ошибочно утверждал, что «торговля и ремесла совершенно незнакомы осетинам». Известно, что осетины, оказавшиеся в силу исторических обстоятельств в горах, не могли там существовать в течение многих веков без торговли и ремесла. Осетины торговали с Грузией, позднее с Кабардой и русскими на Кавказской линии, главным образом в Моздоке и Кизляре. Ремесла были широко развиты почти во всех горных ущельях. Из ремесел наибольшее распространение имели кузнечное дело, обработка дерева и камня. Из железа горцы изготовляли все виды сельскохозяйственных орудий и различные предметы домашнего обихода. Из камня они строили прекрасные жилые и хозяйственные помещения, а также великолепные в архитектурном отношении боевые оборонительные сооружения, главным образом башни.

Описывая поселения и жилища осетин, Рейнеггс подчеркивал различие между домами бедных и богатых горцев.

Ценные сведения Рейнеггс сообщает о религиозных

верованиях, кровной мести и похоронных обрядах осетин.

Особое место в изучении осетин занимает немецкий лингвист-ориенталист Генрих-Юлиус Клапрот, давший в начале XIX в. первое научное обоснование происхождения осетин. Пользуясь данными языка, он открыл осетинский нартский эпос. Собранный им фактический материал представляет большой научный интерес. Клапрот довольно подробно описывает основные занятия населения горной Осетии—земледелие и скотоводство. Но земледелие в горах Осетии играло второстепенную роль. «Обрабатывать землю в горах,— пишет Клапрот,— очень трудно, так как скалы лишь в редких местах покрыты тонким слоем желтой глины, которая нуждается в ежегодном унавоживании. Поля почти всегда расположены на крутых и обрывистых склонах, так что возделывание их очень затруднительно». На этих крохотных участках, по сведениям Клапрота, осетины сеяли ячмень и овес, реже — пшеницу, просо, кукурузу, горох, фасоль, табак и огурцы.

Таким образом, уже в начале XIX в. осетины знали не только кукурузу, ставшую у них позже основным хлебным злаком, но и ряд огородных культур, в частности, огурцы, культура которых проникла к ним, судя по названию, из соседней Грузии.

Большой интерес представляет описание сельскохозяйственных орудий горной Осетии, отличавшихся чрезвычайной примитивностью. Почти все названные Клапротом сельскохозяйственные орудия, как и описанные им способы обработки земли и уборки урожая, сохранялись у осетин вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции.

По словам Клапрота, главным богатством осетин в горах были овцы. Однако из-за недостатка пастбищ и скотоводство у осетин, за исключением жителей Дигорского ущелья, развивалось слабо. Осетины Дигорского ущелья пользовались часто пастбищными угодьями князей Малой Кабарды. В свою очередь, князья Малой Кабарды почти ежегодно летом перегоняли свои стада на пастбища в Дигорское ущелье.

Большой интерес представляют сведения Клапрота

о торговых связях осетин со многими районами Грузии, а также с Кабардой и городами Кизляр и Моздок.

В конце XVIII — начале XIX в. во многих районах Осетии торговля была меновая; здесь население не было знакомо с деньгами и оплату за свой труд получало обычно натурой. Клапрот, например, платил сопровождавшим его осетинам не деньгами, а рубашками и полотном.

Интересны сведения Клапрота об осетинской национальной одежде и обуви. Он так же, как и его предшественники, отмечает сходство многих элементов осетинского костюма с черкесским.

Большой этнографический интерес представляет данное Клапротом описание поселений осетин, их жилища, внутреннего убранства помещений и домашней утвари.

Говоря о семейно-брачных отношениях, Клапрот отмечает, что многоженство наблюдалось только у богатых, исповедовавших ислам. Брак у осетин заключали при согласии родственников с обеих сторон и обязательно с уплатой ирада (калыма). Ирад состоял из большого количества скота и ценных вещей. Развод у осетин был редким явлением. Если развод совершался по вине мужа, то он терял приданое, а если жена уходила от мужа, то ее родители обязаны были вернуть калым.

Большой интерес представляют сведения Клапрота об осетинских похоронных обрядах, сохранивших много архаических черт, сходных, как известно, во многом с похоронными обрядами скифов.

Вдова выходила замуж за брата умершего, «хотя он уже и имел другую жену». Обычай левирата сохранялся у осетин частично еще и во второй половине XIX в., он бытовал и у соседних кавказских народов. Сохранение левирата у осетин было связано главным образом с уплатой большого выкупа за невесту, а также со стремлением иметь дополнительную рабочую силу в семье.

Любопытные сведения сообщает Клапрот о гостеприимстве — одном из традиционных обычаев осетин, о почитании старших и особенно стариков, пользовав-

шихся огромным авторитетом в общественной и семейной жизни. «Молодые люди,— отмечает Клапрот,— никогда не садятся в их присутствии; сын также не садится в присутствии отца, младший брат — в присутствии старшего и т. д.»

Большое внимание уделил Клапрот описанию общественного строя осетин, который у дигорцев и тагаурцев характеризовался довольно развитыми феодальными отношениями, тогда как в других ущельях горной Осетии наблюдались пережитки патриархально-родового быта. Наиболее подробно Клапрот описывает общественный строй дигорцев, которым он уделил основное внимание. В работе Клапрота впервые сообщается предание о происхождении баделят, говорится о классовом делении дигорцев и т. д.

Крупной заслугой Клапрота является научное определение происхождения осетин, изложенное им в работе «Осетинский язык» и вошедшей во второй том его «Путешествия по Кавказу и Грузии». Указывая, что осетинский язык относится к индоевропейской группе языков, Клапрот первым высказал мнение, что осетины являются непосредственными потомками алап.

Значительный вклад Клапрот внес и в изучение осетинского языка.

Особенно большой приток иностранных путешественников наблюдался во второй четверти XIX в. Это были преимущественно немецкие и французские ученые, проявлявшие огромный интерес к жизни народов этого края. Из всех сообщений этого периода особенного внимания заслуживают материалы немецкого ученого К. Коха. Он с большой тщательностью описал горную Осетию, дав о ней ценные географические, топографические и статистические сведения. Однако Кох, как и некоторые его предшественники из числа немецких ученых, не был свободен от тенденциозного подхода, приписывая осетинам, на основании сходства внешнего вида и некоторых обычаев и прав, немецкое происхождение.

Значительное внимание Кох уделял описанию общественного и семейного быта осетин, их прав и обычаев. Путешествуя по Осетии, он встречал повсюду

радушный прием; в его честь горцы устраивали обширные пиршества с участием большого числа людей. О гостеприимстве осетин Кох писал: «Последнюю овцу убивают в честь гостя и один пир следует за другим... Осетин скорее проведет много времени в страшной нужде, чем будет упрекать себя в том, что плохо угостил своего гостя». Кох со всеми подробностями описал осетинское пиршество.

Интересны сведения Коха о религиозных верованиях, поселениях и жилищах осетин, их одежде. По свидетельству Коха, одежда осетин имела большое сходство с одеждой соседних народов, в частности, кабардинцев.

Кох был одним из первых зарубежных путешественников, проникших в самые отдаленные горные районы Осетии, поэтому его сведения имеют особенную ценность.

Из всех путешественников второй половины XIX в. наибольшего внимания заслуживает венгерский ученый Е. Зичи, совершивший в 90-е годы путешествие по Кавказу и оставивший ценные этнографические и антропологические сведения об осетинах. Небольшая по объему работа Зичи охватывает вопросы, касающиеся происхождения осетин, их исторических судеб, материальной и духовной культуры.

Надеемся, что настоящий сборник, содержащий много интересных сведений, собранных путешественниками непосредственно на территории Осетии, окажет большую помощь исследователям при изучении прошлого осетинского народа.

Известно, что из-за отсутствия достаточного материала очень слабо разработана история не только аланского периода, но и история Осетии XVIII в. Публикуемые в настоящем сборнике материалы в значительной мере помогут восполнить эти пробелы.

**РАССКАЗ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОГО
МИССИОНЕРА ДОМИНИКАНЦА ЮЛИАНА
О ПУТЕШЕСТВИИ В СТРАНУ ПРИВОЛЖСКИХ
ВЕНГРОВ, СОВЕРШЕННОМ ИМ В 1235 ГОДУ, И
ПИСЬМА ПАПЫ БЕНЕДИКТА XII К ХАНУ
УЗБЕКУ, ЕГО ЖЕНЕ ТАЙДОЛЮ И СЫНУ
ДЖАНИБЕКУ В 1340 ГОДУ¹**

1. Рассказ доминиканца Юлиана

Маршрут доминиканца пролегал через Болгарию в Константинополь, затем морем — «в страну, которая именуется Сихия, в город, именуемый Матрика... Отсюда, по совету и с помощью упомянутой государыни, отправившись через степь, где мы не нашли ни домов, ни людей, мы пришли через тринадцать дней в страну, называемую Алания; жители ее представляют смесь христиан и язычников; сколько местечек, столько и князей, из которых никто не считает себя подчиненным другому. Здесь постоянная война князя с князем, местечка с местечком; во время пахоты все люди одного местечка отправляются вооруженными на поле; вместе косят на смежных участках и вообще, выходя за пределы своего местечка для рубки дров или какой бы то ни было работы, всегда идут вместе и вооруженными, они не могут выходить в безопасности из своих местечек небольшими группами за чем бы то ни было с утра до вечера в течение всей недели, исключая воскресенья. Этот день они настолько чтят с точки зрения религии, что каждый, не-

зависимо от совершенного им преступления или количества имеющихся у него врагов, может безопасно ходить с оружием или без него даже среди тех, у которых он убил родителей или причинил какое-либо другое зло.

Считающиеся там христианами соблюдают следующий обычай: они не будут пить и есть из той посуды, в которой случайно подохла мышь или из которой ела собака, пока посуда не будет освящена священником; кто поступит иначе, отлучается от христианства. Если же кто-нибудь случайно убил человека, то ему за это не назначается покаяние и он не подлежит освящению; напротив, убить человека у них ничего не значит. Крест настолько уважается ими здесь, что бедным как туземцам, так равно и пришельцам, которые не в состоянии иметь с собой много людей, достаточно укрепить изображение креста на конце шеста с хоругвию и, подняв его, нести; это позволяет им во всякое время идти в полной безопасности.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ВОСТОЧНЫЕ СТРАНЫ

Вильгельм де Рубрук²

Накануне Пятидесятницы пришли к нам некие аланы³, которые именуются там аас⁴, христиане по греческому обряду, имеющие греческие письма и греческих священников. Однако они не схизматики, подобно грекам, но чтут всякого христианина, без различия лиц. Они принесли нам вареного мяса, прося покушать их пищи и помолиться за одного усопшего их. Тогда я сказал им, что теперь канун столь великого праздника, и что в такой день мы не будем есть мяса, я объяснил им этот праздник, чему они очень обрадовались, так как не знали ничего, имеющего отношение к христианскому обряду, за исключением только имени Христова...

Наконец, когда мы потеряли очень много, мучения сообщили нам разум. Мы добрались до края области, которая замыкается перекопом от одного моря до дру-

того; за нею были пристанища тех, по входе к которым они показывались нам все прокаженными, так как это были презренные люди, помещенные там, чтобы получать дань с берущих соль из вышеупомянутых солеварен. С того места, как говорили, нам надлежало странствовать 15 дней, не встречая никаких людей. Мы выпили с ними кумысу и дали им корзину, полную сухарей; они дали нам, восьми человекам, для столь продолжительного пути одну козу и сколько-то бурдюков, полных коровьего молока.

Переменив лошадей, баранов и быков, мы снова пустились в путь, который совершили в десять дней до другой остановки, и на этой дороге находили воду только во рвах, сделанных в долинах, да еще в двух небольших реках. И все время, как мы оставили упомянутую выше область Газарию, мы ехали на восток, имея с юга море, а к северу большую степь, которая в некоторых местах продолжается на 30 дневных переходов и в которой нет никакого леса, никакой горы и ни одного камня, а трава отличная. В ней прежде пасли свои стада команы, именуемые капчат; немцы же называют их валанами, а область Валанией. Исидор же называют страну от реки Танаида⁵ до Меотидских болот⁶ и Данубия Аланией, и эта страна тянется в длину от Данубия до Танаида, который служит границей Азии и Европы, на двухмесячный путь быстрой езды, как ездят татары. Она вся заселена была команамикапчат, ровно как и дальше, от Танаида до Этилии⁷; между этими реками существует 10 больших дневных переходов. К северу от этой области лежит Руссия, имеющая повсюду леса; она тянется от Польши и Венгрии до Танаида. Эта страна вся опустошена татарами и поныне ежедневно опустошается ими...

Итак, мы направлялись к востоку, не видя ничего, кроме неба и земли, а иногда с правой руки — море, именуемое морем Танандским, а также усыпальницы команов⁸.

Итак мы с великим трудом странствовали от становища к становищу, так что не за много дней до праздника блаженной Марии Магдалины достигли большой реки Танаида, которая отделяет Азию от Европы, как